

УДК 008

О значении культурологического знания

© **Бенин Владислав Львович,**

ФГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумуллы». Россия, 450000, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а.

E-mail: benin@lenta.ru

Статья поступила 24.05.2011 г.

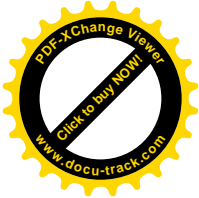
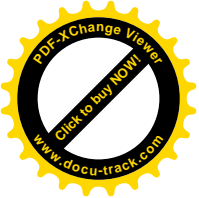
Статья продолжает дискуссию о статусе культурологи как самостоятельной отрасли научного знания, её содержании и основной функции.

Ключевые слова: культура, культурология, методология гуманитарных исследований, наука.

The article continues the discussion on status of culture study as an independent branch of scientific knowledge its contents and the basic functions.

Российские культурологические конгрессы показали, что споры по поводу научного статуса культурологии не затихают. Как правило, ей инкриминируют отсутствие четкой определенности законов и вытекающих из них следствий. Однако такой взгляд вряд ли можно считать объективным. Культурология относится к социальным наукам, в которых постоянно возникает ситуация неоднозначности трактовок изучаемых явлений. Тем не менее, ни у кого не возникает мысль поставить под сомнение научность философии, истории, антропологии или психологии.

Один из доводов противников культурологии как науки можно назвать территориальным. «Не будет большой ошибки, – пишет Ю. Асоян, – если мы прямо назовем культурологию отече-ственным нововведением. Такой науки, как культу-ро-логия, нет более нигде» [1, с.9]. Обстоятельство существо-вания науки «в одной отдельно взятой стране», на первый

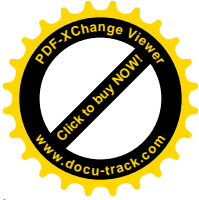
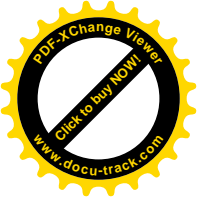

взгляд, производит сильное впечатление. В самом деле, не может же астрономия либо филология быть локализована рамками одной страны!

Если это наука, давно сформировавшая своё предметное поле и свой понятийный аппарат, то не может. Но в таком случае следует полагать, что сегодня предметная дифференциация научного поля окончательно установилась, и далее будет существовать в неизменном виде. Однако это противоречит самой сути науки. К.Поппер подчеркивал, что «в науке нет знания в том смысле, в котором понимали это слово Платон и Аристотель, т.е. в том смысле, в котором оно влечет за собой окончательность» [5, с.20].

Размышляя о том, как появляется новая отрасль научного знания, обратимся к примеру старейшей из них – философии. Современными авторами она признается порождением эллинского гения [6, с.3]. Аналогично, та же античная Греция, трудами Геродота, вошла в историю как родина истории, благодаря Страбону – как родина географии. Физика как самостоятельный раздел науки, берет начало от Г. Галилея. История химии начинается с книги Роберта Бойля (1661 г.), публикация Грегора Менделя (1866 г.) является точкой отсчета генетики. Основа современной экономической теории была заложена Адамом Смитом в работе «Исследование о природе и причине богатства народов» (1776 г.). В 1838 г. французский мыслитель Огюст Конт впервые вводит в научный оборот термин «социология». Сегодня большинство исследователей считают О. Конта основателем этой науки. Примеры подобного рода можно продолжать.

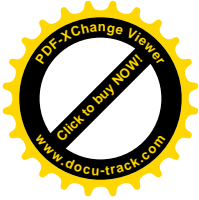
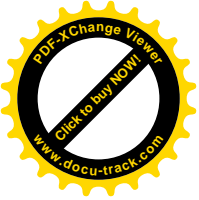
Но из очевидного факта (и наука имеет свою родину) вытекает вполне логичный вопрос: почему мы должны отказывать России в праве быть родиной нового направления научного знания? А.С. Запесоцкий утверждает, что «культурологии пока нет на Западе по одной простой

причине: там нет такой культуры, как в России. В том числе — такой культуры и опыта осмысления культуры» [3, с.102]. Не станем комментировать пафос данного заявления, но согласимся с модальностью автора – «пока нет» не означает «и не будет». Поэтому более серьезным, чем территориальный, представляется второй довод противников признания за культурологией статуса самостоятельного научного направления – содержательный.

В первую очередь против признания культурологии возражают многие авторитетные философы. Культурология, утверждает известный российский специалист в данной области В.М. Межуев, — это не особая наука со своим предметом, методом, целью, а просто суммарное обозначение самых разных областей научного знания о культуре. «Можно провести аналогию: естествознание — это одна наука или общее название для разных естественных наук — физики, химии, биологии и пр.? Или обществознание? То же можно сказать и о культурологии» [3, с.12]. В итоге В.М. Межуев приходит к выводу: «Что касается понимания культуры как целостности, или, как я говорю, в ее идее, то оно дается только философией культуры» [3, с.24].

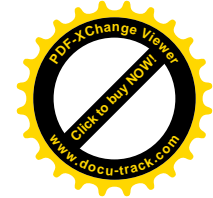
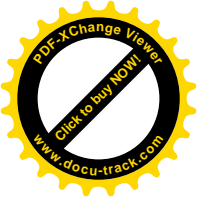
Но правильно ли сводить культурологию к философии культуры? Мы разделяем позицию коллег, отрицательных отвечающих на этот вопрос. Философия культуры представляет собой часть философии как отдельной отрасли научного знания, причем знаний особого рода. Если наука главной своей задачей видит определение общих закономерностей описания процесса становления и развития различных культурных миров, то для философии безразличен мир сам по себе, для нее чрезвычайно важно знать какое значение имеет данный мир для человека. «Если с этой точки зрения посмотреть на философию культуры, — отмечает А.И. Шендрик, — то главной задачей последней является поиск ответов на

вопросы: «Кто я в культуре? В чем смысл моего существования как действующего субъекта, подлинного демиурга истории?». При подобном подходе становится ясно, что поставить знак равенства между культурологией и философией культуры невозможно» [2, с.99].

Но если так, то прав А.С. Запесоцкий: «Любая из известных нам гуманитарных наук в отдельности не способна охватить культуру в ее целостности. И если мы все же хотим получить объективное научное знание о культуре и думаем, что это возможно, то должна существовать наука — культурология, так же как и философия культуры. И если философия культуры погружает нас в мир идей, в мир, где правит бал субъективное начало, то сфера культурологии — научная объективность, существующая вне зависимости от лично-стной оценки» [3, с.8].

В таком случае, мы подходим к главному вопросу – что есть объективные знания о культуре? Достаточно ли для такого знания конгломерата различных научных результатов (Σ = данные истории + данные социологии + данные антропологии + данные этнографии + данные искусствоведения и т.д.) или необходима самостоятельная предметная область? И здесь показательной является позиция академика РАН А.А. Гусейнова: «Ее (культурологии – авт.) предметной областью является сама культура, и вся проблема заключается в том, чтобы зафиксировать, схватить эту реальность культуры. Оказывается, это трудно сделать. Сотни определений, десятки разных подходов. Отсюда — вывод о надуманности, научной несостоятельности культурологии как особой области знания. Я не думаю, что этот вывод является правомерным. Возьмите для сравнения философию. Она существует по крайней мере 2600 лет, если брать за начальную точку отсчета время, когда она обрела свое имя. ... Кажется, никто не сомневается в ее интеллектуальной легитимности и универсалистском статусе. А если поинтересоваться у

философов, в чем они видят свой пред-мет и его место в системе научного знания, то легко мож-но убедиться: разнобой мнений будет вполне сопоставим с тем, что мы имеем в случае культуры и культурологии» [3, с.46].

Достаточно ли этого для признания культурологии сформировавшейся наукой? Разумеется, нет, поскольку мы еще не ответили на вопрос о специфике ее предмета. В чем же он состоит?

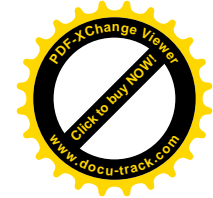
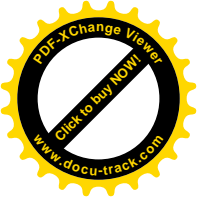
На втором Российском культурологическом конгрессе на этот вопрос отвечали:

А.И. Шендрик: «Сегодня все большее число культурологов рассматривает культурологическую науку как новую область знания, где происходит переосмысление и новый синтез гуманитарных и социальных наук» [2, с.100];

Л.Н. Голубева: «Специфика культурологического подхода состоит в том, что это метауровень исследования культурных артефактов, позволяющий уйти от простой катало-гизации культурных явлений в прикладные исследования, а также от искуса построения глобальных субстранциональных схем культурно-исторического процесса» [2, с.101];

И.Я.Левяш: «В пределах культурологического знания назрело его предметное самоопределение, «дисциплинирование» в духе от-каза от «всеведения» и признания того, что «культура - это наше не все» (Флиер). Культурология - не «всеведение» о культуре, а наука об общих закономерностях и смысле культурно-цивилизационного процесса, его становления, структуры, функционирования и развития, их интерпретации с позиций современной ситуации» [2, с.105].

Почему же культурология «вдруг» стала позиционировать себя «новой областью знания», «наукой об общих закономерностях», «метауровнем исследования»? Причину этого осознания, на наш взгляд,

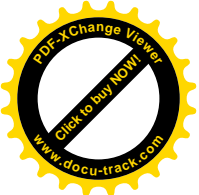

лучше всех определил В.М. Межуев – тот самый В.М. Межуев, который доказывал её (культурологии) несостоятельность: «А теперь я скажу несколько слов в защиту культурологии. Я думаю, культурология рано или поздно придет на смену экономическим и политическим наукам, может быть, даже и самой философии. Но это произойдет не раньше, чем главным фактором общественной стабильности станет не экономика или власть, а культура. Это, конечно, дело будущего — такого общества я пока не вижу. Но уже сейчас, по констатации многих социальных мыслителей, основные изменения в современном обществе происходят не в сфере техники и экономики, а в сфере культуры. Когда общество будет жить и развиваться по законам культуры, культурология, несомненно, станет ведущей отраслью научного знания» [3, с.30].

Взгляды на культурологию изменились, поскольку изменилось понимание значения культуры в жизни общества. И для доказательства этого мы вновь вынуждены обратиться к старому спору о том, что есть культура.

Духовная концепция ограничивает культуру исключительно сферой духовной жизни общества. С этих позиций вполне логично общую теорию культуры видеть в сумме искусствovedения и ряда близких гуманитарных наук ($\Sigma =$ история искусств + семиотика + литературоведение и т.д.). Но, как известно, деление культуры на материальную и духовную относительно и возможно лишь абстрактно-теоретически.

Аксиологическая концепция рассматривает культуру как совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных людьми. Но понятие «ценность» характеризует не объект сам по себе, а отношение субъекта к объекту. Отношение субъекта к объекту – это традиционная философская проблематика. Таким образом, с позиций аксиологической

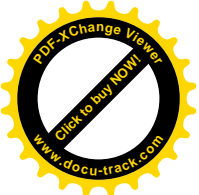
концепции, роль культурологии по праву должна принадлежать философской аксиологии, а в конечном итоге – философии культуры.

Этносоциологическая концепция рассматривает культуру как накопленный человечеством опыт социальной жизнедеятельности, дающий возможность каждому индивиду усвоить этот опыт и участвовать в его приумножении. И если подходить к культуре с позиций этносоциологической концепции, то для понимания сущности культуры нужна именно культурология как полноценная самостоятельная наука.

Ведущий российский специалист в области философии науки академик В.С.Степин отметил, что общенаучная картина мира наряду с представлениями о природе включает представления об обществе и человеке. Последние в качестве своих составляющих включают три основных подсистемы – экономику, социально-политическую подсистему и культуру. Каждую из них можно сделать особым предметом исследования. «Подсистема представлений о культуре, включаемая в картину социальной реальности, является обобщающей моделью (картиной) структуры и динамики культуры. С ней соотносятся наиболее значимые достижения конкретных наук, изучающих различные аспекты функционирования и развития культуры в жизни общества» [3, с.89].

Новые предметные области в науке возникают тогда, когда в них появляется объективная потребность. В этом случае междисциплинарный характер подхода не мешает формированию новой области знания, что прекрасно иллюстрируют глобалистика и экология.

Сегодня очевиден междисциплинарный характер глобальных проблем современности. В их исследовании принимают участие представители самых разнообразных отраслей гуманитарных, естественных и технических наук. С осознанием необходимости синтеза различных подходов для объединения и осмысливания полученных

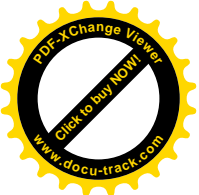
результатов, сформировалась новая область знания — теория глобальных проблем, или глобалистика.

Аналогична судьба экологии. Если термин, предложенный в 1866 г. Э.Геккелем, обозначал популяции организмов, виды, сообщества, экосистемы и биосферу в целом, то уже с середины XX в. экология приобрела особое значение как научная основа рационального природопользования и охраны живых организмов. Она включает различные философские, социологические, экономические, географические и другие аспекты. Но перестав быть монополевой собственностью биологов, экология не утратила свой предмет и не стала менее научной.

На наш взгляд, нечто аналогичное происходит ныне с культурологией.

Ушедшее двадцатое столетие унесло с собой веру во всеспасительную силу естествознания. Если античность видела путь ко всеобщему благоденствию в философии, а средневековье — в постижении Святого писания, Новое время апеллировало к естествознанию. В науке (прежде всего естественной) мыслители нового времени усматривали реальный путь к улучшению не только природной среды, но и самого человека. Однако века, прошедшие со времён Декарта и Спинозы, показали наивность таких представлений. Колоссально нарастив свои естественные и технические знания, люди не стали ни добрее, ни лучше, ни счастливее. Более того, они вплотную подошли к той черте, у которой со всей полнотой встал вопрос глобального выживания. С крушением сциентизма как панацеи от вселенской катастрофы пришло и новое осознание значения культуры.

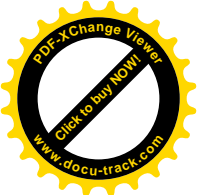
Для понимания места культурологии в системе научного знания, важна позиция Э.С. Маркаряна, утверждавшего, что «по-высить должным

образом статус культурологии станет возможным лишь в том случае, если удастся убедительно доказать, что данная наука о культуре имеет подлинно глобальную значимость и незаменима в решении ключевых стратегических проблем выживания и развития человечества» [4, с.84-85]. С ним солидарен И.Г. Кефели: «Современная культура, в отличие от прометеевской культуры модерна, пафосом которой является покорение человеком природного и социального мира, все более явно выражает в различных проявлениях свою суть как способ выживания человека в мире. Тем самым, она предстает как социокультурное основание гецивилизационной безопасности» [4, с.412].

В эпоху начала космического этапа жизни человечества, – подчеркивал на Третьем Российском культурологическом конгрессе С.И. Реснянский, – в эру глобализма и глобализации, многочисленных угроз человечеству и «вызовов времени» необходимо подчеркнуть, что культура сама по себе имеет ярко выраженный не энтропийный характер, сохраняя «тепло», энергию человеческой жизни, спасая землю от гибели. В культурологической литературе при перечислении функций культуры и культурологической науки (гносеологическая, праксеологическая, прогностическое и др.) никогда не называют самую важную — спасительную, перед которой меркнут, бледнеют, превращаются в «частности», «детали» другие функции. В этой своей функции она тождественна религии (религия означает прежде всего — объединение). Она не дает различным культурам закоснеть в изоляции, единообразии, однообразии [7, с.304].

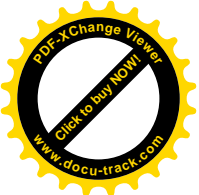
Исходя из общепризнанного факта, что культура является тем, что отличает человека от животного, можно предположить, что культуросообразность некой деятельности (подхода, системы и т.п.) есть её сообразность человеческой сущности. И, наоборот, отсутствие

культуросообразности некой деятельности (подхода, системы и т.п.) есть её несоответствие человеческой сущности, следовательно, путь к самоуничтожению человека как вида.

На уровне оценки конкретных конфликтов это уже очевидно. «В наше время целостность культуры становится необходимым условием существования социума, – подчеркивает доктор физико-математических (!) наук Р.Г. Баранцев. – Чтобы не допускать социальных взрывов, вроде недавнего «карикатурного скандала», рациональный Запад должен уважать образы и символы, интуитивный Восток – считаться с понятиями и образами, эмоциональная Россия – принимать символы и понятия» [4, с.94]. Однако, на наш взгляд, уровня культурологической оценки конкретных конфликтов уже недостаточно. Диалог культур стремительно выходит на ведущее место в практике современных международных и внутригосударственных отношений. Развитие средств массовой информации и формирование глобальной культуры, этнические конфликты на территориях бывших Советского Союза и Югославии, столкновение США с арабским миром, внутреннее перерождение США и Западной Европы под напором миграции наглядно высвечивают важность специального изучения культуры — культурологии — как условия формирования толерантного мира.

Таким образом, как подчеркивает А.П. Марков, говорить о культурологии следует в том случае, «если мы откажемся от попыток встраивать культурологию в «прокрустово ложе» существующих наук (она по определению не может быть наукой «в ряду других» уже в силу того, что изучает культуру как целое) и попробуем представить весь «куст» культуроориентированных исследований в качестве научной парадигмы» [3, с.83]. Исходя из сказанного, мы полагаем, что культурология представляет собой комплексную научную отрасль,

изучающую наиболее общие закономерности функционирования и развития культуры как целого. За пределами собственно культурологического исследования она выступает в качестве универсального методологического подхода в познании социальной реальности, позволяющего оценивать возможности и перспективы глобального выживания человека как вида.

Литература

Асоян Ю. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX веков / Ю. Асоян, А. Малафеев. М.: Объед. гуманитар. изд-во, 2001. 342 с.

Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: Программа. Тезисы докладов и сообщений. -СПб.: ЭЙДОС, АСТЕРИОН, 2008. 560 с.

Культурология как наука: за и против: круглый стол, Москва, 13 февраля 2008 г. –СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. 108 с.

Первый Российский культурологический конгресс. –СПб.: Эйдос, 2006. 432 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. -М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Ч.1: Античность. –СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. 336 с.

Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений. –СПб.: ЭЙДОС, 2010. 556 с.